

СТРАНЫ
И
НАРОДЫ
ВОСТОКА

ВЫПУСК

VI

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК VI

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы:
Москва 1968

В. Р. Кабо

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АВСТРАЛИЙЦЕВ В СВЕТЕ НОВЫХ ОТКРЫТИЙ

Происхождение коренного населения Австралии — одна из увлекательнейших и в то же время сложнейших проблем этногенетической науки. Загадка происхождения австралийцев — народа, заброшенного на отдаленный континент и столь непохожего в антропологическом и культурном отношениях на окружающие народы, — занимала умы многих исследователей, начиная с 1606 г., когда европейцы в лице Виллема Янца (капитана голландского судна) и членов его команды впервые увидели австралийских аборигенов.

За прошедшие с этого знаменательного дня 360 лет было создано бесчисленное количество гипотез, пытавшихся так или иначе объяснить происхождение этого народа, — гипотез, порою самых противоречивых. Но только в наше время благодаря развитию физической антропологии и археологии, возникновению таких новых методов и областей исследования, как метод радиоуглеродного анализа, глоттохронология, исследование групп крови и других наследственных факторов, появилась возможность поставить изучение происхождения и истории аборигенов Австралии на более прочную научную базу.

Изучение этногенеза австралийцев, как и любого другого народа, требует комплексного метода исследования, привлечения данных различных наук — антропологии и археологии, этнографии и лингвистики, причем различные группы источников должны взаимно контролировать и дополнять друг друга. Такая цель не может быть достигнута в рамках небольшой статьи. Задача настоящей статьи — показать, что для решения проблемы этногенеза австралийцев новые научные открытия, прежде всего в области антропологии и археологии, где за последние годы были достигнуты наибольшие успехи.

Антропологически аборигены Австралии занимают особое место среди других расовых групп человечества. В их антропологическом типе совмещены признаки различных рас. По мнению многих антропологов, австралийцы представляют собою в известной мере обобщенный, протоморфный антропологический тип, более, чем какая-либо иная современная раса, близкий к ранним, архаическим формам неантропа — современного человека. По-видимому, это одна из древних его форм, сохранившаяся в условиях относительной изоляции.

В настоящее время представляется бесспорным, что Австралия была впервые заселена уже современными людьми, неантропами, так как

на этом континенте отсутствуют какие-либо следы архантропов и палеоантропов — древнейших и древних людей.

Как показывают данные палеоантропологии, австралийская раса в основном сложилась за пределами Австралии. Ареал формирования современного человека уже в начале верхнего палеолита простирался от Западной Европы до Юго-Восточной Азии. Насколько позволяют судить данные современной науки, прежде всего данные радиоуглеродного анализа, начало верхнего палеолита и появление сформировавшегося неантропа произошло около 40 тыс. лет т. н. (тому назад).

Согласно полицентристской концепции происхождения современно-го человека, один из независимых центров эволюции человека находился в Юго-Восточной Азии, где прямая линия развития вела от питекантропа через явантропа (человека из Нгандонга) к человеку из Ваджака (о-в Ява), а от него — к современным австралийцам. К числу наиболее известных сторонников этой теории принадлежат А. Кизс, К. Кун, Ф. Бейденрейх. Однако есть основания полагать, что эта цепь обрывается на явантропе и что люди из Ваджака имеют иное происхождение.

Советскому антропологу Я. Я. Рогинскому удалось доказать отсутствие специфического сходства питекантропов с австралондами, а также отсутствие соответствия между локальными формами архантропов и палеоантропов, с одной стороны, и обитающими на тех же или смежных территориях современными расами — с другой¹. Другой советский антрополог, М. И. Урысон, выражает обоснованное сомнение в возможности происхождения современного человека «из столь специализированной в морфологическом отношении формы, какой является нгандонгский человек»². Человек из Нгандонга — это, говоря словами П. Тейяр де Шардена, — «угасающий побег». Наряду с некоторыми специализированными неандертальцами он входит в «группу законченных форм»³. Магистральная линия развития человечества проходит не здесь.

Лишена оснований и теория о генетической близости австралийцев к неандертальцам. Польский антрополог Ева Кручеквич, исследовав серию скелетов австралийских аборигенов, подобно советским антропологам В. В. Бунаку и Я. Я. Рогинскому пришла к выводу, что никакой особой морфологической близости скелетами австралийцев и неандертальцев не существует. Напротив, по многим признакам скелеты австралийцев резко отличаются от неандертальских⁴.

В 1958 г. в Ниа, на севере Калимантана, в Большой ниахской пещере Т. Гаррисоном была сделана находка человеческого черепа. Ниахский череп, несомненно, принадлежал человеку современного типа. Многие его особенности (широкий нос, низкое переносье, прогнатизм и др.) сближают его с древними и современными австралондами. Абсолютный возраст местонахождения, по данным радиоуглеродного анализа, составляет $39\,600 \pm 1000$ лет т. н.⁵ Следовательно, человек из Ниа — современник наиболее ранних неантропов Европы. Это означает, что Юго-Восточная Азия по крайней мере частично входила в зону сапигентации. Человек из Ниа — очевидный верхнепалеолитический предок австрало-негроидов Австралии и Океании.

¹ Я. Я. Рогинский, *Теория моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас*, М., 1949.

² М. И. Урысон, *Начальные этапы становления человека*, — «У истоков человечества», М., 1964, стр. 133.

³ П. Тейяр де Шарден, *Феномен человека*, М., 1965, стр. 196—197.

⁴ Е. Kruczkiewicz, *Ossa australica*, — «Materiały i prace antropologiczne», Wrocław, 1962, № 58.

⁵ W. G. Solheim, *The Present Status of the Paleolithic in Borneo*, — «Asian Perspectives», vol. 2, 1960, № 2, pp. 83—90.

Эта находка еще раз убеждает в том, что явантропы из Нгандонга едва ли могли быть предками австралондов. Ведь хронологический промежуток между явантропами и людьми из Ниа был, очевидно, сравнительно невелик. Явантропы жили, вероятно, не ранее чем 50—60 тыс. лет т. н., в раннем юрме. Сомнительно, чтобы за 10—20 тыс. лет из этой очень архаичной и специализированной неандерталондой формы могли сформироваться такие вполне сапнитные австралонды, каких мы находим в Ниа и Ваджаке.

По-видимому, предков протоавстралондов Юго-Восточной Азии следует искать среди каких-то более прогрессивных неандерталоидов материковой Азии, таких, например, как неандерталоиды горы Кармел (Палестина), откуда происходит череп V из пещеры Схул, обладающий ярко выраженными протоавстралондными чертами. Поэтому в порядке рабочей гипотезы можно предположить, что на грани среднего и верхнего палеолита на территории Азии происходило постепенное расселение с запада на восток прогрессивных неандерталоидов, а наряду с этим продолжался процесс их дальнейшей сапнитации. Вероятно, не случайно, что каменная индустрия, обнаруженная в культурном слое, давшем череп человека из Ниа, очень близка по своему типу к соанской индустрии Северо-Западной Индии.

К верхнему палеолиту относится и черепная крышка, найденная Р. Фоксом в пещере Табон на о-ве Палаван (Филиппины). Абсолютный возраст этой находки — $30\,500 \pm 1100$ лет т. н.⁶ Крышка эта также принадлежала неантропу и обладала некоторыми австралондными особенностями. Череп из Ниа и палаванская черепная крышка показывают, что неантропы-протоавстралонды населяли ныне островную часть Юго-Восточной Азии 30—40 тыс. лет т. н. В плейстоцене о-ва Калимантан и Палаван составляли одно целое с материком.

По-видимому, тогда же на Яве обитали неантропы, от которых дошли до нас два минерализованных черепа, обнаруженных еще в прошлом веке Е. Дюбуа около Ваджака. Геологический возраст людей из Ваджака точно не установлен, но, подобно людям из Ниа и с о-ва Палаван, они жили, вероятно, в эпоху последнего оледенения. Дюбуа, а впоследствии Вейденрейх отметили австралондный характер этих черепов, причем последний сблизил их с найденным в Австралии ископаемым черепом из Кейлора⁷.

Таким образом, в конце плейстоцена, в верхнем палеолите, ныне островная часть Юго-Восточной Азии была населена протоавстралондами, очевидными предками современных аборигенов Австралии, пришедшими сюда с Азиатского материка.

И в дальнейшем, в мезолите и неолите, на протяжении многих тысячелетий Юго-Восточная Азия оставалась областью, населенной главным образом австрало-негроидами (в процессе их морфологического развития из древних, верхнепалеолитических протоавстралондных форм и все углубляющейся расовой дифференциации)⁸.

Древнейшим населением этой части света вплоть до Австралии были протоавстралоиды, и лишь с течением времени на этой древней основе образовались различные локальные варианты австрало-негроидов

⁶ R. Shutter, *Radiocarbon Dating and Man in Southeast Asia, Australia, and the Pacific*, — «Proceedings of the 11-th Pacific Science Congress», Tokyo, 1966, vol. 9, Prehistory and Archaeology, p. 5.

⁷ F. Weidenreich, *The Keilor Skull: a Wadjak Type from Southeast Australia*, — «American Journal of Physical Anthropology», vol. 3, 1945, № 1, pp. 21—32.

⁸ В. Р. Кабо, *Юго-Восточная Азия и ее место в формировании австралоидов*, — «Вопросы антропологии», вып. 21, 1965, стр. 175—180.

Юго-Восточной Азии и Океании. Все они являются ветвями единого протоавстралоидного ствола и сформировались на протяжении последних 30—40 тыс. лет, многие из них — в тех местах, где живут еще и сегодня.

Задолго до того как в Юго-Восточной Азии и Океании оформились локальные варианты австрало-негроидной расы (еще в плейстоцене), протоавстралоиды заселили Австралию и в дальнейшем развивались уже на ее территории в условиях изоляции, обусловившей относительное сохранение многих особенностей их древнего антропологического типа.

Важнейшие палеоантропологические находки, сделанные в Австралии, — черепа из Тальгая, Кохуны, Кейлора и Моссгила (последний был найден в 1960 г.), Грин-Галли (найден в 1965 г.), фрагменты скелетов из Тартанги и Девон-Даунса — несмотря на существующие между ними различия, имеют немало общего и между собой и с современными австралийцами. Этот факт опровергает мнение некоторых ученых, считающих, что австралоидам на континенте Австралии предшествовали негроиды-тасманоиды.

Например, австралийский исследователь Н. Тиндейл, пытаясь доказать тасманоидный характер черепов из Тартанги, сближал их с черепами тасманийцев. Однако и форма свода черепа и меньший размер третьего моляра в сравнении с первым и вторым, т. е. те особенности тартангских черепов, которые, по мнению Тиндейла, сближают их с тасманийскими, — все это как раз более характерно для австралийцев, чем для тасманийцев. По этим и другим признакам черепа из Тартанги очень близки к другим ископаемым черепам, найденным на территории Австралии⁹.

Вся серия ископаемых австралийских черепов отражает морфологическое развитие протоавстралоидов и формирование современной австралийской расы. Палеоантропология Австралии не дает достоверных свидетельств древнего тасманоидного субстрата, а именно палеоантропологии принадлежит решающее слово в этой проблеме.

По степени морфологического развития и приближения к современному австралийскому расовому типу протоавстралоиды пятого континента располагаются следующим образом: Тальгай—Кохуна—Моссгил—Тартанга и Девон-Даунс—Кейлор и Грин-Галли.

Датируются они так.

Радиоуглеродное исследование ископаемых раковин из слоев, непосредственно прилегающих к тальгайскому черепу, показало, что возраст его находится в пределах от 6450 ± 230 до 11980 ± 155 лет до настоящего времени. Произведенные на основании этого расчеты позволяют предполагать, что возраст местонахождения составляет 10—12 тыс. лет¹⁰.

Как показывают результаты химического анализа, череп из Кохуны, вероятно, имеет такую же древность, но, может быть, он еще древнее¹¹.

Древность скелета из Моссгила, как было установлено радиоуглеродным анализом угля из очага, находившегося на уровне погребения, не менее 4625 лет т. н.¹²

⁹ N. W. G. Macintosh, *The Physical Aspect of Man in Australia*, — «Aboriginal Man in Australia», Sydney, 1965, pp. 54—55.

¹⁰ Ibid., p. 64.

¹¹ N. W. G. Macintosh, *The Kohuna Cranium: Physiography and Chemical Analysis*, — «Oceania», vol. 23, 1953, № 4, pp. 277—296.

¹² N. W. G. Macintosh, *The Physical Aspect of Man in Australia*, p. 64.

Анализ радиоактивного углерода, содержащегося в раковинах из слоя С, служивших пищей людям из Тартанги, показал возраст 6030 ± 120 лет т. н. Скелеты из слоев D и E предположительно датируются от 5700 до 4700 лет т. н.¹³ Стоянка Кейп-Мартин, характеризующаяся той же археологической культурой, датируется 8700 ± 120 лет т. н.¹⁴

Фрагменты скелетов из Девон-Даунс, судя по сопровождающему их инвентарю, относятся к периодам, получившим в австралийской археологии наименование Мудук и Мурунди. Средняя дата для периода Мудук в стоянке Фроммс Лендинг, находящейся рядом со стоянками Девон-Даунс и Тартанга, — 3756 ± 85 лет т. н.¹⁵

Древность черепа из Кейлора, согласно новейшим данным, находится в пределах от 15000 ± 1500 до 18000 ± 500 лет т. н. Первая дата получена в результате анализа угля из кострища, которое находится почти на уровне черепа, а вторая дата — из кострища, находящегося примерно на 170 см ниже. Возраст скелета из Грин-Галли — около 8 тыс. лет т. н.¹⁶

Таким образом, хронологическое соотношение австралийских палеоантропологических материалов не совпадает с их морфологическим соотношением. Наиболее развитый в морфологическом отношении череп из Кейлора оказывается в то же время самым древним, а человек из Тальгая, морфологически наиболее примитивный, существовал несколькими тысячелетиями позже.

Каким же было историческое и генетическое соотношение этих различных по уровню морфологического развития типов протоавстралоидов?

В свете современных данных наиболее приемлемой является гипотеза, согласно которой Австралию в позднем плейстоцене населяли одновременно генетически близкие, но морфологически различные группы протоавстралоидов, одни из которых были более развиты, подобно человеку из Кейлора, другие, подобно людям из Тальгая и Кохуны, отстали в своем развитии. Те и другие происходили от различных групп протоавстралоидов, населявших Юго-Восточную Азию в верхнем палеолите.

Сравнительно еще немногочисленное население Австралии было расселено, очевидно, небольшими изолированными группами, и локальные варианты протоавстралоидов в этих условиях вполне могли длительное время сохраняться и сосуществовать. Данные, которыми мы располагаем о скелете из Моссгила, говорят о том, что талгайско-кохунский антропологический тип, возможно, еще длительное время сохранялся в некоторых районах Австралии, но и он испытывал некоторые изменения.

В первоначальном заселении Австралии приняли участие группы протоавстралоидов кейлорского типа, антропологически близких к людям из Ваджака и Нпа. Одновременно с ними или позднее в Австралии появились популяции более примитивных протоавстралоидов таль-

¹³ N. B. Tindale, *Culture Succession in South-Eastern Australia from Late Pleistocene to the Present*, — «Records of the South Australian Museum», vol. 13, Adelaide, 1957, № 1, pp. 1—49; N. W. G. Macintosh, *The Physical Aspect of Man in Australia*, p. 53.

¹⁴ N. B. Tindale, *A Dated Tartangan Implement Site from Cape Martin, South-East of South Australia*, — «Transactions of the Royal Society of South Australia», vol. 80, 1957, pp. 109—123.

¹⁵ D. J. Mulvaney, *The Stone Age of Australia*, — «Proceedings of the Prehistoric Society», vol. 27, Cambridge, 1961, № 4, p. 101.

¹⁶ *Ibid.*, pp. 64, 101; N. W. G. Macintosh, *Fossil Man in Australia*, — «The Australian Journal of Science», vol. 30, 1967, № 3, pp. 86—98.

гайско-кохунского типа. Еще в мезолите на периферии Юго-Восточной Азии сохранялись группы австралоидов, обладающих сравнительно архаическими морфологическими особенностями. Об этом свидетельствует черепная крышка, найденная в 1929 г. на северном побережье Новой Гвинеи, около Антапе. Ее возраст, определенный с помощью радиоуглеродного метода в 1965 г., находится в пределах от 4400 ± 85 до 5070 ± 140 лет до настоящего времени¹⁷. Сохранению более отсталого типа австралоидов на далекой окраине Юго-Восточной Азии способствовала ее периферийность и сравнительная изолированность.

В Австралии физическое развитие палеоавстралийцев продолжалось, в результате чего ими были утрачены некоторые особенности протоавстралоидного типа, и постепенно сложился современный австралийский антропологический тип.

Данные абсолютной хронологии, связанные с палеоантропологическими материалами, показывают, что заселение Австралии произошло еще в плейстоцене, чему способствовало наличие материковых мостов между Юго-Восточной Азией и Австралией в последнем ледниковом периоде. Местами эти массивы суши перерезались проливами, но они были не настолько широки, чтобы люди эпохи верхнего палеолита, располагавшие примитивными средствами навигации, не смогли бы их преодолеть. В эту эпоху освоение новых территорий вызывалось прежде всего нарушением баланса между приростом населения и естественными ресурсами.

Со времени первоначального заселения Австралии человеком (которое началось, согласно данным абсолютной хронологии,— о чем я скажу дальше,— около 30 тыс. лет т. н.) в истории этого континента произошли следующие события.

От 27 тыс. до 20 тыс. лет т. н.— последний максимум последнего (вюрмского) оледенения.

От 10 тыс. до 8 тыс. лет т. н.— окончание последнего ледникового периода. Австралия к этому времени в основном уже была заселена человеком, включая и центральные ее области, природные условия которых были тогда значительно более благоприятными, чем теперь. В самом конце периода или начале следующего Новая Гвинея и Тасмания полностью отделились от Австралии. То обстоятельство, что в плейстоцене эти два больших острова составляли с Австралией одно целое, способствовало ее заселению через Новую Гвинею и заселению Тасмании через Австралию. Наряду с проникновением через Новую Гвинею люди могли проникнуть в Австралию и в других местах ее северного и северо-западного побережья.

От 7 тыс. до 4 тыс. лет т. н.— период термического максимума и образование пустынь в Центральной Австралии. Резкое ухудшение природно-климатических условий во внутренних областях Австралии; исчезновение многих видов животных, в том числе гигантских сумчатых.

От 3500 до 3000 лет т. н.— малый ледниковый период, сопровождавшийся новым похолоданием и регрессией моря. Затем наступает более сухой и теплый период, продолжающийся до настоящего времени.

Все эти данные получены в результате новейших достижений в различных областях науки о Земле и использования новых методов исследования. Благодаря этому мы теперь знаем, в каких естественно-географических условиях происходило первоначальное заселение Австралии и

¹⁷ K. Kigoshi and H. Kobayashi, *Gakushuin Natural Radiocarbon Measurements IV*,— «Radiocarbon», vol. 7, 1965, p. 22.

освоение Австралийского континента, в каких условиях протекали ранние этапы истории ее коренного населения.

В проблеме происхождения австралийцев как в прошлом, так и в настоящем представлены две основные тенденции. Представители одного направления рассматривают австралийцев как народ смешанного происхождения, другие — как расово однородный, или гомогенный. Наиболее известным представителем первого направления является американский антрополог Дж. Бердселл. Второе направление представлено главным образом антропологами Аделаидского университета во главе с Э. Эбби.

Данные антропологии, как и новейшие исследования в области генетики, во многом подтверждают правоту сторонников второго направления. Антропологическую однородность аборигенов Австралии подтверждают капитальные исследования У. Хауэллса¹⁸, Дж. Моранта¹⁹, А. Грдлички²⁰ и других ученых. Эти исследования показывают, что для предположения о заселении Австралии различными по своей расовой принадлежности компонентами нет достаточных оснований. К тому же выводу пришли антропологи Аделаидского университета, осуществившие в 50-х годах XX в. сплошное и всестороннее антропологическое обследование Австралийского континента в меридиональном направлении, с юга на север. В итоге этого и последующих исследований была подтверждена несомненная антропологическая однородность австралийских аборигенов²¹.

Веским аргументом в пользу гомогенности аборигенов являются и результаты серологических исследований. Своеобразное, уникальное сочетание групп крови, наблюдаемое в Австралии²², характерно для народов, ведущих свое происхождение от одной или нескольких малочисленных групп населения, пришедшего из сравнительно ограниченного региона и продолжительное время затем жившего в условиях относительной изоляции²³. Смешение с каким-либо иным населением, отличающимся от австралийцев сочетанием групп крови, с населением иного расового происхождения должно было бы изменить эту картину и лишить свойственное австралийцам сочетание групп крови его своеобразия и уникальности.

Вместе с тем исследование групп крови и других наследственных факторов у аборигенов Австралии и других народов мира показывает, что за последние десятилетия к классическим методам этногенетических исследований прибавился новый, важный метод, без которого исследование этногенетических проблем теперь стало невозможным — генетика популяций человека.

¹⁸ W. W. Howells, *Anthropometry of the Natives of Arnhem Land and the Australian Race Problem*, — «Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology», vol. 16, Cambridge (Mass.), 1937.

¹⁹ G. W. Morant, *A Study of the Australian and Tasmanian Skulls Based on Previously Published Measurements*, — «Biometrika», vol. 19, London, 1927, № 3—4, pp. 417—440.

²⁰ A. Hrdlička, *Catalogue of Human Crania in the United States National Museum Collections*, — «Proceedings of the United States National Museum», vol. 71, Washington, 1928, № 24.

²¹ A. A. Abbie, *Physical Characteristics of Australian Aborigines*, — «Australian Aboriginal Studies», Melbourne, 1963; «The Anthropological Status of Australian Aborigines», — «Homo», Bd 17, 1966, № 2, S. 73—88.

²² R. L. Kirk, *The Distribution of Genetic Markers in Australian Aborigines*, — «Australian Institute of Aboriginal Studies, Occasional Papers», Canberra, 1965, № 4.

²³ Я. Я. Рогинский, *Закономерности пространственного распределения групп крови у человека (К проблеме антропологии «окраинных народов»)*, — «Труды Института этнографии», т. I, М., 1947, стр. 216—234.

Итак, данные антропологии свидетельствуют о расовой однородности аборигенов и находятся в полном соответствии с выводом, вытекающим из исследования палеоантропологических материалов: Австралия была заселена протоавстралоидами, представленными двумя генетически близкими, но морфологически различными типами — кейлорским, сравнительно более развитым, и тальгайско-кохунским, более примитивным.

В ходе последующего развития и в результате метисации эти различия оказались в известной мере — но не полностью — сглаженными. С другой стороны, по мере освоения континента и расселения австралийцев по географически изолированным регионам возникли новые локальные различия внутри единой по своему происхождению австралийской расы. Некоторые данные, в частности новейшие исследования японского антрополога Б. Ямагути²⁴, свидетельствуют о том, что морфологические различия, представленные двумя названными выше основными типами палеоавстралийских черепов, принадлежащих населению, генетически близкому, но различному по своему морфологическому развитию, в известной мере прослеживаются еще и в настоящее время.

Теория Бердселла и Тиндейла, нашедшая среди западных антропологов немало сторонников, — теория, согласно которой древнейшим населением Австралии были негронды-тасманоиды, — данными антропологии, как и палеоантропологии, не подтверждается. Напротив, мнение многих советских антропологов, полагающих, что австралоидный тип является наиболее архаичским в сравнении с другими расовыми типами современного человечества, что он был древнейшим, исходным типом коренного населения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, находит в этих данных полное подтверждение.

В составе современного коренного населения Австралии действительно прослеживается известная антропологическая дифференциация, вариабильность, побудившая некоторых антропологов усматривать в генезисе австралийцев представителей различных рас. Между аборигенами Северной и Южной Австралии действительно существуют различия в отношении некоторых антропологических признаков, но это и не удивительно, если вспомнить, что австралийцы населяют огромный континент, что в течение многих тысячелетий аборигены Севера и Юга развивались, не смешиваясь между собой, и что на север материка, несмотря на относительную изоляцию его от окружающего мира, все же просачивались извне неавстралийские (папуа-меланезийские и индонезийские) расовые элементы. Так, аборигены Северной Австралии в среднем немного выше ростом, чем аборигены Южной Австралии, кожа их темнее, третичный волосяной покров развит сравнительно слабее, длина и ширина головы немного меньше, у них сравнительно чаще, чем на юге, встречаются курчавые волосы. Однако все австралийцы без исключения долихоцефалы, почти у всех развиты надбровные дуги, прогнатизм, очень широкие носы.

Среди австралийцев можно выделить и очень немногочисленные локальные группы антропологических типов. К числу их принадлежит квинслендский «баринейский» тип, главное отличие которого от остальных австралийцев состоит в преобладании курчавых или вьющихся волос, в относительно низком росте и некоторой общей грацильности.

Однако различия этих групп между собой и их отличие от остального коренного населения Австралии не настолько глубоки, чтобы дать

²⁴ B. Yamaguchi, *A Comparative Osteological Study of Ainu and Australian Aboriginal Material: a Preliminary Report*, — «Australian Institute of Aboriginal Studies, Newsletter», vol. 2, Canberra, 1966, № 3, pp. 16—19.

основание для предположения о их различном расовом происхождении. Локальные варианты внутри австралийской расы, довольно однородной, если рассматривать ее в целом, сложились в основном уже на территории Австралии, в ходе и в результате расселения австралийцев на обширных пространствах разнообразного по своим природным условиям континента, где многие этнические группы, в том числе и квинслендская, упомянутая выше, оказались полностью или в значительной мере изолированными от окружающего населения. Как показывают многочисленные исследования, почти все локальные различия, наблюдаемые среди австралийцев, вполне объяснимы продолжительной взаимной изоляцией этнических групп единого по своему происхождению народа. Некоторые региональные антропологические особенности образовались и под воздействием географической среды.

Позднейшее проникновение в Австралию, главным образом на север континента, иных расовых элементов (индонезийских, папуасских и меланезийских) не повлияло в сколько-нибудь значительной степени на антропологический тип австралийцев, но обусловило некоторое антропологическое своеобразие части североавстралийского населения.

Наиболее древние особенности антропологического типа австралийцев сохранились в настоящее время (или существовали еще недавно) на юге, юго-востоке и до некоторой степени на западе Австралии. К этим особенностям относятся сравнительно менее темная, чем у аборигенов прочих областей Австралии, кожа, преимущественно волнистые или прямые, иногда светлые волосы, обильное развитие третичного волосяного покрова на теле и на лице (у мужчин), развитые надбровные дуги, очень широкий нос с низким переносьем, крупные зубы, прогнатизм, долихоцефалия, высокая частота группы крови А и фактора N, отсутствие группы В и некоторые другие признаки.

Известное единообразие в сочетании групп крови у аборигенов Австралии свидетельствует о том, что общие черты генотипа аборигенов сложились до заселения Австралии, а локальные варианты образовались впоследствии. Особенно характерны они для некоторых изолятов, например для аборигенов о-вов Уэлсли и Западной пустыни. Такие изоляты являются и «баринейцы» Северного Квинсленда. Антропологическое своеобразие всех этих групп, отделившихся от единого в прошлом ствола, обусловлено их географической и биологической изоляцией, стимулирующей действие генетического дрейфа, т. е. такого изменения концентрации генов, которое обусловлено не отбором, а случайными (стохастическими) процессами.

Процессы внутрирасовой дифференциации, весьма вероятную возможность которых мы допускаем для населения Австралийского материка, в еще большей степени должны были коснуться населения Тасмании — острова, почти изолированного от материка на протяжении нескольких тысячелетий. По-видимому, своеобразный тасманийский антропологический тип образовался в результате генетико-автоматических процессов внутри небольшой группы палеоавстралийцев, попавших в Тасманию еще в плейстоцене и затем оказавшихся в условиях многовековой изоляции.

Таким образом, новейшие данные антропологии и генетики говорят о том, что Австралия была заселена антропологически однородным протоавстралоидным населением, принадлежавшим к одной из архаических форм неантропа, и что вопреки распространенному мнению этому населению не предшествовало какое-либо другое, еще более древнее и расово отличное.

Важнейший материал для реконструкции этнической истории авст-

ралийцев дает и археология. При отсутствии письменных источников данные археологии приобретают особенное значение.

Систематическое археологическое изучение Австралии началось лишь в конце 20-х годов, но с того времени оно продвинулось далеко вперед. Каждый год приносит новые открытия, заставляющие пересматривать многое из того, что вчера казалось последним словом науки.

На протяжении многих лет развитию австралийской археологии мешало широко распространенное среди австралийских ученых убеждение, что австралийские аборигены не способны к развитию, что история Австралии началась лишь со дня начала ее колонизации и что археологии здесь делать нечего. Исследования последних 30 лет показали всю ошибочность этого мнения. Теперь неопровержимо доказано, что культура австралийцев развивалась на протяжении многих тысячелетий, что австралийцы проходили те же стадии развития, начиная с палеолита и кончая ранним неолитом, которые были пройдены и другими народами, одними раньше, другими, как австралийцы, позже. Такая неравномерность социального и культурного развития объясняется объективными историческими и географическими условиями и ни в коей мере не свидетельствует о большей или меньшей способности того или иного народа к развитию.

Обобщение результатов археологических исследований, осуществленных в Австралии за последнее время, позволяет периодизировать историю австралийских аборигенов от заселения ими Австралийского континента до европейской колонизации, разделив ее на несколько периодов и указав для каждого его приблизительные хронологические границы. Теперь, несмотря на то что стоянки со стратиграфией еще очень немногочисленны, у нас все же есть возможность расположить археологические культуры Австралии в относительной хронологической последовательности. Радиоуглеродные исследования позволяют в свою очередь наметить для этого ряда последовательных культурных фаз и некоторые абсолютные вехи.

Ограниченные рамками статьи, мы попытаемся лишь ответить на вопрос о том, что вносят новые открытия в области археологии в решение проблемы происхождения австралийцев и их культуры, не касаясь их дальнейшей тысячелетней истории на Австралийском континенте. С этой целью мы рассмотрим лишь древнейшие австралийские археологические культуры в связи с культурами Юго-Восточной Азии.

Австралийские археологические культуры раннего периода еще в значительной мере отражают воздействие палеолитических и мезолитических культур Южной и Юго-Восточной Азии, с древним населением которых генетически и культурно связано и раннее население Австралии. Часть этих древних культурных традиций, преимущественно до-мезолитических, палеоавстралийцы принесли с собой, часть проникла к ним в результате непосредственных контактов, продолжавшихся вплоть до начала голоцена.

Древнейшие культурные традиции Южной и Юго-Восточной Азии в той или иной мере представлены во всех культурах раннего периода — в культурах Карта и Каперти (чопперы и орудия типа «лошадное копыто», орудия типа карта и клектонские отщепы), в культуре Гамбир (грубые рубящие орудия — бифасы и ручные рубила шельского типа), в пещере Куналда и в террасах кейлорской речной системы (проторубила и ашельские ручные рубила, грубые рубящие орудия-бифасы и чопперы, клектонские и леваллуазские отщепы), в культуре Маунт-Моффат и в каменной индустрии Тасмании (чопперы, индустрия на отщепках и пластинах невазийского типа, клектонские отщепы Тасмании).

Наряду с этим в культурах Карта, Каперти, Маунт-Моффат и Кларенс представлены и следы более поздних, мезолитических культур Юго-Восточной Азии: суматралиты, монофасы типа арапна и другие типы орудий, характерных для хоабиньской и типологически близких ей культур Юго-Восточной Азии.

Несмотря на очевидный технический прогресс, выразившийся в совершенствовании техники изготовления орудий и в расширении их ассортимента, чопперы-монофасы (чаще всего гальки) наряду с грубыми рубящими орудиями-бифасами остаются от нижнего палеолита до конца мезолита на территории всей Юго-Восточной Азии одной из руководящих индустриальных форм, кое-где сохранившейся и до наших дней у аборигенов Австралии. И только в позднем мезолите и раннем неолите (в баксонской и аналогичных культурах Юго-Восточной Азии) эти орудия постепенно вытесняются топорами с отшлифованным рабочим краем. То же самое происходило и в Австралии, но здесь этот процесс так и не успел полностью завершиться.

Связи древнейших австралийских культур с палеолитическими и раннемезолитическими культурами Юго-Восточной Азии и Индии представляются совершенно очевидными. Воздействию последних на культуру палеоавстралийцев способствовала относительная доступность Австралии в плейстоцене для влияний, идущих из Азии. Что же касается поздне-мезолитических и неолитических культур Юго-Восточной Азии, относящихся уже к голоцену, их влияние на культуру Австралии не представляется во многих случаях очевидным. Так, техника шлифования камня могла возникнуть там совершенно самостоятельно.

Своеобразие культуры австралийцев уже в раннем периоде их истории объясняется сочетанием культурных традиций громадного диапазона — от нижнего палеолита до мезолита, повлиявших на нее в той или иной мере, прямо или опосредствованно, через культуры, века и расстояния и обусловивших в конце концов своеобразное сочетание палеолитических и мезолитических черт в каждой локальной археологической культуре Австралии.

На протяжении многих тысячелетий в Юго-Восточной и Южной Азии одновременно существовали две индустриальные традиции, перенесенные затем палеоавстралийцами и на территорию Австралии: одна из них характеризовалась монофасами (чопперами, позднее суматралитами и т. д.), а другая — бифасами (грубыми рубящими орудиями и ручными рубилами). Носители некоторых локальных культур успешно развивали обе эти традиции. Таковы многие палеолитические местонахождения Индии от Соана до Мадраса, такова патжитанская культура Явы, таково же нижнепалеолитическое местонахождение на горе До в Северном Вьетнаме²⁵.

Своеобразие каменных индустрий Юго-Восточной Азии связано главным образом с наличием в этой части света и на прилегающих к ней территориях Южной и Восточной Азии древнейших самобытных очагов человеческой культуры. В Австралии к этому присоединился еще такой фактор, как периферийность, а начиная с эпохи голоцена, и изолированность, что наряду с катастрофическими изменениями природных условий и малочисленностью населения обусловило ее культурную отсталость.

Основные, характерные типы орудий и технические приемы, свойственные древнейшим археологическим культурам Австралии, ведут свое

²⁵ П. И. Борисковский, *Первобытное прошлое Вьетнама*, М.—Л., 1966, стр. 51—71.

происхождение от палеолитических культур Юго-Восточной Азии, а через них связаны и с прилегающими к ней территориями, подобно тому как антропологический тип протоавстралондов связывал палеоавстралийцев с верхнепалеолитическим населением Юго-Восточной и Южной Азии. Устойчивость технологических традиций, типологическая близость верхнепалеолитических и до некоторой степени мезолитических индустрий Юго-Восточной и Южной Азии к ее нижнепалеолитическим культурам дает нам основание усматривать и в последних один из источников хронологически значительно более поздних австралийских археологических культур.

Большой интерес для изучения древнейшего австралийцев представляет Новая Гвинея, лежащая на их пути во время продвижения из Юго-Восточной Азии в Австралию. Донеолитическая индустрия, найденная в 60-х годах в стоянках Киова и Юку, во внутренних горных районах Восточной Новой Гвинеи, имеет тот же характер, что и индустрия древнейших археологических культур Восточной Австралии. Древнейшая радиоуглеродная дата для стоянки Киова — $10\ 350 \pm 140$ лет т. н.²⁶ Типологическая близость ранней культурной фазы Центрального нагорья Восточной Новой Гвинеи к древнейшим культурам Восточной Австралии дает основание предполагать культурные, а возможно, и генетические связи между населением этих территорий. Это тем более вероятно, что связи эти относятся еще к плейстоцену, когда Австралия и Новая Гвинея составляли одно целое.

Естественно, что и в Индонезии, на древнем пути протоавстралондов, двинувшихся из Юго-Восточной Азии в Австралию, мы находим культуры, которые по праву можно считать предтечами древнейших культур Австралии. Такова прежде всего патжитанская культура Явы с массивными клетонскими отщепами, отщепами и пластинами леваллуа, ручными рубилами, проторубилами, грубыми рубящими орудиями — бифасами и чопперами²⁷. Орудия этих типов в той или иной пропорции представлены во многих древнейших культурах Австралии.

Каменная индустрия мустьеро-леваллуазского облика была найдена в 1953 г. и совсем недалеко от северных берегов Австралии, на о-ве Тимор²⁸. Это свидетельствует об очень раннем заселении этого острова людьми и, возможно, указывает на один из путей проникновения в Австралию леваллуазских традиций, обнаруженных в Южной Австралии в пещере Куналда и в террасах кейлорской речной системы.

Большое значение для понимания древнейшего прошлого Юго-Восточной Азии и Австралии имеют раскопки в Большой Ниахской пещере на севере Калимантана. Как мы уже знаем, здесь был найден череп протоавстралонда, датированный с помощью радиоуглеродного метода. Приблизительно тем же временем (от 40 тыс. до 30 тыс. лет до н. э.) датируются найденные в той же пещере отщепы соанского типа, чопперы из галек и большие клетонские отщепы. Эти находки очень напоминают орудия соанской индустрии Северо-Западной Индии. В то же

²⁶ S. and R. Bulmer, *The Prehistory of the Australian New Guinea Highlands*: J. B. Watson, *New Guinea, The Central Highlands*, — «American Anthropologist», vol. 66, 1964, № 4, pp. 39—76; S. Bulmer, *Radiocarbon Dates from New Guinea*, — «The Journal of the Polynesian Society», vol. 73, 1964, № 3, pp. 327—328.

²⁷ H. L. Movius, *The Lower Palaeolithic Cultures of Southern and Eastern Asia*, — «Transactions of the American Philosophical Society», vol. 38, pt 4, Philadelphia, 1948, pp. 355—364.

²⁸ A. A. Mendes Correa, A. Almeida, R. Cinatti, *Preliminary Notice of a Paleolithic Station in the Eastern Malaysian Archipelago*, — «Abstracts of Papers Presented to the VIII Pacific Science Congress and the IV Far-Eastern Prehistory Congress», Quezon City, 1953, pp. 487—488.

время они типологически близки к некоторым древнейшим индустриям Австралии, заселение которой началось около 30 тыс. лет т. н.

Отщепы соанского типа залегают в тех горизонтах, к которым относится находка ниахского черепа. Чопперы и большие клеттонские отщепы находятся выше и примерно совпадают по времени с предполагаемым началом заселения Австралии. Радиоуглеродные даты для нижней границы палеолитической индустрии Большой Ниахской пещеры — $39\,600 \pm 1000$ лет т. н., $37\,500 \pm 1600$ лет т. н. и $32\,630 \pm 700$ лет т. н., для верхней границы — $19\,570 \pm 190$ лет т. н.²⁹

Палеолитические традиции Юго-Восточной Азии продолжает и развивает хоабиньская культура, широко распространенная в мезолите на территории Вьетнама и других стран материковой Юго-Восточной Азии и Индонезии, а также на юге Китая, в Японии, на Филиппинах, на советском Дальнем Востоке. Связи хоабиньских мезолитических индустрий с древнейшими культурами Австралии уже не раз бывали объектом изучения в работах различных исследователей — К. Фюрер-Хаймендорфа, Н. Тиндейла, Ф. Маккарти и других. Хотелось бы поэтому остановиться на другой группе культур, которая в качестве одного из возможных источников австралийских археологических культур раннего периода еще не изучалась.

Речь идет об Индии и Пакистане и их палеолитических культурах, начиная с местонахождений, сосредоточенных в долине р. Соан, на севере Панджаба. По своему характеру индустрия этих местонахождений близка к аньятским культурам Бирмы, палеолитическим культурам Таиланда, тампанской культуре Малакки, патжитанской культуре Явы и к наиболее ранним культурным фазам Большой Ниахской пещеры. Поздние отголоски этих древних культур мы находим и в самых ранних археологических культурах Австралии. В конце среднего — начале верхнего палеолита через эти страны прошли, постепенно расширяя ареал своего обитания, предки австралийцев, сохранившие некоторые древние культурные традиции своих предшественников.

Для соанских культур Пакистана и Северо-Западной Индии характерны ручные рубила аббевильско-ашельского типа, чопперы и грубые бифасы из галек, клеттонские отщепы. Индустрия соанского типа широко, хотя и неравномерно, распространена и на полуострове Индостан³⁰.

40-е — 50-е годы ознаменовались открытием во многих районах Индии палеолитической индустрии совершенно иного типа, состоящей главным образом из боковых и выемчатых скребков, иногда комбинируемых с острем, и других орудий на отщепах и пластинках. Культура эта получила название невазийской. Стратиграфически она моложе нижнепалеолитических индустрий Индии, но старше мезолитических культур, содержащих микролиты³¹.

Невазийская индустрия во многих отношениях напоминает индустрию пещеры Кенниф в Квинсленде (культура Маунт-Модфат), а в известной мере и тасманийскую. Принимая во внимание генетические связи австралийцев с народами Южной Азии, мы можем с полным правом усматривать и в невазийской индустрии один из возможных источников древнейших австралийских археологических культур.

²⁹ T. Harrison, *New Archaeological Research in the Great Cave at Niah and elsewhere in Borneo, with Special Reference to the Early Stone-Age*, — «Proceedings of the 11-th Pacific Science Congress», Tokyo, 1966, vol. 9, Prehistory and Archaeology, p. 20; W. G. Solheim, *Archaeology in Borneo*, — «Archaeology», vol. 14, 1961, № 1, pp. 23—30.

³⁰ H. D. Sankalia, *Indian Archaeology Today*, London, 1962; *Prehistory and Protohistory in India and Pakistan*, Bombay, 1962.

³¹ H. D. Sankalia, *Indian Archaeology Today*, pp. 39—44.

Новейшие археологические исследования на Цейлоне привели к открытию здесь так называемой ратнапурской индустрии, по-видимому плейстоценового возраста. По своему характеру она очень близка к раннесоанской культуре Индии. Наряду с чопперами и грубыми бифасами здесь найдены в небольшом количестве и ручные рубила аббевильско-ашельского типа, а также орудия, изготовленные леваллуазской техникой³². Вспомним в связи с этим, что коренным населением Цейлона являются ведды, антропологически родственные австралийцам.

Итак, истоки древнейших археологических культур Австралии лежат в палеолитических и мезолитических культурах Южной и Юго-Восточной Азии. Нижнепалеолитические традиции сохранялись австралийцами и в верхнепалеолитическую эпоху, когда они приступили к освоению Австралии.

Об этом свидетельствуют южноавстралийская культура Гамбир с характерными для нее ручными рубилами шелльского типа, местонахождения в арундельской террасе кейлорской речной системы и в пещере Куналда с проторубилами патджитанского облика, стоянки той же кейлорской системы с ашельскими рубилами мадрасского типа. Об этом говорят местонахождения, характеризующиеся клетонскими отщепами, грубыми бифасами и чопперами соанского и патджитанского типов, культур Карта и Каперти, каменная индустрия Тасмании, местонахождения кейлорской речной системы и пещеры Куналда. Индустрия этих местонахождений восходит к палеолитическим индустриям Юго-Восточной и Южной Азии, от Явы до Соана.

Но в то время как заселение Австралии относится еще к верхнему палеолиту, непосредственные культурные контакты ее с Юго-Восточной Азией продолжались вплоть до начала голоцена. А это было время расцвета хоабиньской и родственных ей мезолитических культур. Местонахождения, свидетельствующие о воздействии хоабиньских культурных традиций, расположены преимущественно в Восточной и Южной Австралии. Таковы наряду с некоторыми другими культурами местонахождения культуры Карта, найденные на о-ве Кенгуру, в Южной Австралии, на северном побережье Нового Южного Уэльса, на склонах Большого Водораздельного хребта, в Восточном Квинсленде, в Тасмании и в других местах.

Носители культуры Карта пришли в Южную Австралию и на о-в Кенгуру, составлявший одно целое с материком, еще в плейстоцене. Как показывает размещение местонахождений, сохранивших следы этой культуры, одна часть ее носителей двигалась на юг западнее Большого Водораздельного хребта, по системе рек, стекающих с него в юго-западном направлении, другая — вдоль восточного побережья Австралии. Некоторые группы носителей этой культуры осели в Тасмании. Постепенно культура Карта широко распространилась на востоке и юго-востоке материка³³.

Широкое распространение культуры Карта заставляет думать, что представители этой культуры не имели какого-либо этнического единства, что это были различные, самостоятельные этнические группы, объединенные лишь сходными формами культуры. По-видимому, в данном случае, как и в случае с хоабиньской и типологически близкими культурами Юго-Восточной Азии, мы имеем дело с группой родственных

³² P. E. P. Deraniyagala, *Prehistoric Archaeology in Ceylon*,— «Asian Perspectives», vol. 7, 1964, № 1—2, pp. 189—192.

³³ H. M. Cooper, *The Archaeology of Kangaroo Island, South Australia*,— «Records of the South Australian Museum», vol. 13, 1960, № 4, pp. 481—503; D. J. Mulvaney, *The Stone Age of Australia*, pp. 66—71.

культур, или «культурной провинцией» — историко-этнографической областью далекого прошлого (под историко-этнографической областью советские этнографы понимают территорию расселения народов, связанных общностью происхождения или последующего хозяйственного и культурного развития).

Культура Каперти, заметно отличающаяся от культуры Карта характером каменного инвентаря, распространилась главным образом на востоке Нового Южного Уэльса, но и ее носители расселились, видимо, западнее и восточнее Большого Водораздельного хребта³⁴.

Преобладающая в культуре Каперти индустрия на отщепях и пластинках господствует и в Тасмании. Обе культуры сближает наличие клетонских отщепов и чопперов. Отсюда можно заключить, что именно культура Каперти наряду с культурой Маунт-Моффат была основным источником каменной индустрии тасманийцев, а культура Карта была другим, сравнительно второстепенным источником.

При всем своем своеобразии индустрия культуры Каперти содержит и некоторое количество орудий, характерных для культуры Карта, залегающих главным образом в средних горизонтах культуры Каперти. Культура Карта, по-видимому, тяготеет преимущественно к внутренним областям материка, а Каперти — к восточным, прибрежным. Возможно, культура Каперти связана с населением кейлорского антропологического типа, а Карта — с населением тальгайско-кохунского, морфологически более примитивного, а хронологически, быть может, несколько более позднего типа, чем и объясняется запоздалое появление орудий, характерных для культуры Карта, в горизонтах культуры Каперти.

Наиболее ранняя абсолютная дата для культуры Каперти — $11\,600 \pm 400$ лет т. н., а одна из наиболее поздних — 3623 ± 69 лет т. н.³⁵. Основные местонахождения культуры Карта радиоуглеродным методом датированы, но наличие орудий, характерных для этой культуры, в горизонтах культуры Каперти подтверждает ее сравнительную древность.

Индустрия культуры Каперти в целом характеризуется наличием, с одной стороны, очень архаичных палеолитических особенностей, а с другой — некоторых мезолитических черт. В культуре Карта, очевидно, сравнительно более поздней, мезолитические особенности занимают значительно более заметное место, хотя при этом очень многое идет еще от палеолита. На культуру Карта явно оказали сильное воздействие мезолитические хоабинские традиции Юго-Восточной Азии. В меньшей степени они отразились на культуре Каперти. Может быть, это связано с несколько задержавшимся расселением носителей культуры Карта и относительно большей древностью культуры Каперти.

Местонахождения культуры Маунт-Моффат расположены в Южном Квинсленде, в горах Большого Водораздельного хребта, севернее местонахождений культуры Каперти, на пути расселения австралийцев с севера на юг — вдоль восточного побережья Австралии и по системе рек Дарлинга, Муррея и их притоков. Типологически культура Маунт-Моффат, характеризуемая главным образом орудиями на отщепях, близка к культуре Каперти. Носителями обеих культур были, вероятно, группы палеоавстралийцев, связанных культурной и этнической близостью,

³⁴ F. D. McCarthy, *The Archaeology of the Capertee Valley, New South Wales*. — «Records of the Australian Museum», vol. 26, 1964, № 6, pp. 197—246; *The Aboriginal Past: Archaeological and Material Equipment*, — R. M. and C. H. Berndt, *Aboriginal Man in Australia*, Sydney, 1965, pp. 76—77.

³⁵ «Recent Australian Radiocarbon Dates». — «Australian Institute of Aboriginal Studies, Newsletter», vol. 2, Canberra, 1966, № 3, p. 24; N. B. Tindale, *Radiocarbon Dates of Interest to Australian Archaeologists*, — «The Australian Journal of Science», vol. 27, 1964, № 1, p. 24.

постепенно расселявшиеся на юг вдоль Большого Водораздельного хребта.

Пильчатая ретушь, в культуре Каперти уже сравнительно развитая, в культуре Маунт-Моффат имеет еще довольно примитивный, невыразительный характер. Радиоуглеродные исследования подтверждают более глубокую древность культуры Маунт-Моффат сравнительно с культурой Каперти; наиболее ранняя дата для культуры Маунт-Моффат — $16\,130 \pm 140$ лет т. н., а одна из наиболее поздних — 9300 ± 200 лет т. н. Однако развитие культуры Маунт-Моффат продолжалось после этого еще несколько тысячелетий³⁶.

В культурах Маунт-Моффат и Каперти мы видим два последовательных этапа расселения и развития одной и той же этнической волны.

В то же время наличие орудия типа арапна сближает культуру Маунт-Моффат с культурой Карта. Но в целом культура Карта, наслоившаяся, видимо, на относительно более древние культуры Маунт-Моффат и Каперти, не оставила в обеих значительного следа. Зато общий характер культуры Маунт-Моффат сближает ее с каменной индустрией коренного населения Тасмании. Это еще одно подтверждение того, что этническая волна, представленная местонахождениями культур Маунт-Моффат и Каперти, была главным источником каменной индустрии Тасмании. А общим отдаленным источником обеих культур была, возможно, невазийская культура Индии. Она отдалена от раннеавстралийских археологических культур географически, а возможно, и хронологически. Но, подобно другим культурам Южной и Юго-Восточной Азии, ее традиции были сохранены населением, предки которого обитали на этих территориях в более глубокой древности и которое еще длительное время поддерживало культурные связи с этими территориями.

Говоря о культуре Маунт-Моффат, необходимо, как и в предыдущем случае, подчеркнуть своеобразие этой индустрии, пронизанной очень архаическими чертами. Видимо, и здесь сказалось удаленное, периферийное положение Австралии, способствующее сохранению древнейших явлений культуры.

Верно, что орудия культуры Маунт-Моффат, как и культуры Каперти, скальвались в основном с дисковидных нуклеусов (что было характерно для среднего палеолита), а не с призматических, как это делалось в верхнем палеолите. Но одного этого критерия для общей оценки индустрии, как мне кажется, недостаточно: необходимо принять во внимание ее состав, типологию, характер ретуши и другие особенности. В этом отношении названные культуры тяготеют к верхнему палеолиту, хотя верхнепалеолитическими их все-таки назвать нельзя. В своеобразном характере этих культур отразились особенности австралийского палеолита в целом, его особое положение среди палеолитических культур других частей света.

Открытая на севере Нового Южного Уэльса культура Кларенс типологически ближе всего к культуре Карта и, может быть, является ее особым локальным вариантом. По-видимому, она связана с группами носителей этой культуры, расселявшихся вдоль восточного побережья Австралии и оставивших след в более южной культуре Каперти.

Характер каменной индустрии культуры Кларенс в целом раннезолитический, аналогичный характеру ранней фазы хоабиньской индустрии Индокитая и Малакки. В некоторых отношениях она выглядит

³⁶ D. J. Mulvaney and E. B. Joyce, *Archaeological and Geomorphological Investigations on Mt. Moffatt Station, Queensland, Australia*, — «Proceedings of the Prehistoric Society», vol. 31, 1965, № 8, pp. 147—212.

даже архаичнее культуры Каперти, что объясняется, как и в предыдущих случаях, наличием архаических особенностей, наложивших свой отпечаток и на эту культуру. Одна из наиболее ранних дат для культуры Кларенс — 6445 ± 75 лет т. н., а наиболее поздняя — 3230 ± 100 лет т. н. Таким образом, общий характер каменной индустрии и данные абсолютной хронологии показывают, что носителями культуры Кларенс были группы палеоавстралийцев, широко распространившие мезолитические хоабинские культурные традиции на пространствах Восточной Австралии. Местонахождения долины Кларенс обнаруживают в то же время особую устойчивость индустриальных форм и традиций³⁷.

Особое место занимает культура Гамбир, самая южная и одна из самых архаичных культур раннего периода. Она характеризуется главным образом бифасами — грубыми рубящими орудиями и ручными рубилами шельского типа, а также отщепами и пластинами, напоминающими нижнепалеолитическую патжитанскую индустрию Явы. Многие орудия на отщепе в то же время обладают сходством с аналогичными тасманийскими орудиями. Культура Гамбир тоже могла быть одним из источников каменной индустрии Тасмании. Однако бифасы для последней совершенно несвойственны³⁸.

Орудия культуры Гамбир найдены на поверхности земли, и геологический возраст их не установлен. Однако археологические исследования в других районах Южной Австралии привели в последние годы к открытию и там аналогичной индустрии, что подтвердило в известной мере и древность культуры Гамбир. Отныне она уже не выглядит такой уникальной, как прежде. Связанная, по-видимому, с одной из самых ранних групп палеоавстралийцев (поэтому она и не оставила следа в других только что рассмотренных нами культурах раннего периода), она оставила некоторый след в террасах кейлорской речной системы, где найдены позднешельские рубила мадрасского типа. Напомню, что в тех же террасах обнаружен череп протоавстралонда, абсолютный возраст которого — около 18 тыс. лет т. н.

На тех же местонахождениях, так же как и на культурных горизонтах пещеры Куналда, отразились и патжитанские традиции Явы — здесь найдены чопперы, грубые бифасы и проторубила патжитанского типа.

Здесь представлены и орудия, изготовленные леваллуазской техникой, которая могла проникнуть на юг Австралии из Индонезии, с о-ва Тимор, где была найдена индустрия мустьеро-леваллуазского типа. Не этим ли путем распространилась из Индии через Индокитай и Яву и индустрия ручных рубил?

Наличие на крайнем юге Австралии (в пещере Куналда, в районе Кейлора, в местонахождениях культуры Гамбир, на некоторых стоянках культуры Карта) древнейших индустриальных традиций пятого континента сочетается с концентрацией и наиболее древних особенностей австралийского антропологического типа. И это совершенно закономерно. Южная Австралия, заселенная очень рано, была в послеплейстоценовую эпоху более, чем какая-либо другая часть материка, удалена от соприкосновения с остальным миром. Поэтому она помогает нам реконструировать и древнейший антропологический тип австралийцев и некоторые особенности их древнейшей культуры.

³⁷ I. McBryde, *Archaeological Field Survey Work in Northern New South Wales*, — «Oceania», vol. 33, 1962, № 1, pp. 12—17; «Recent Australian Radiocarbon Dates», pp. 20, 23.

³⁸ D. J. Mulvaney, *The Stone Age of Australia*, pp. 71—72; P. Stapleton, *Bifaced Stone Implements from South-Eastern South Australia*, — «Records of the South Australian Museum», vol. 8, 1945, pp. 281—287.

Древность местонахождений в пещере Куналда подтверждается данными абсолютной хронологии. Две радиоуглеродные даты, полученные для этой пещеры, являются одними из самых древних дат, связанных с археологическими памятниками Австралии. Эти даты — $18\,200 \pm 550$ лет т. н. и $13\,700 \pm 270$ лет т. н.³⁹

Еще древнее даты, полученные для местонахождения на озере Менинди, в Новом Южном Уэльсе, — $18\,800 \pm 800$ лет т. н. и $26\,300 \pm 1500$ лет т. н. Последняя из этих дат показывает, что заселение Австралии началось около 30 тыс. лет т. н.⁴⁰

Предположение о столь раннем заселении Австралии человеком подтверждается и другими датами. Так, возраст одного из археологических местонахождений в районе Кейлора, на крайнем юго-востоке Австралии, составляет $31\,600 \pm \frac{11\,000}{1300}$ лет т. н. Другая дата для того же

археологического комплекса — $24\,000 \pm \frac{3300}{5700}$ лет т. н. Для археологических местонахождений в Оэнпелли, на п-ове Арихемленд, в числе прочих получены даты $24\,800 \pm 1600$ лет т. н. и $22\,900 \pm 1000$ лет т. н. Поразительно то, что последние две даты связаны с находками отшлифованных по рабочему краю топоров, наличие которых в горизонтах культур раннего периода является совершенно неожиданным⁴¹.

Характеризуя каменную индустрию пещеры Кенниф, Малвени обозначает две ее основные культурные фазы как фазу каменных орудий, не укрепляемых на рукоятки, более раннюю и примитивную, и фазу орудий, укрепляемых на рукоятки, более развитую. Малвени склонен, как мне кажется, распространять этот принцип и на другие археологические культуры. Однако каменные орудия на рукоятки могли существовать в других культурах раннего периода так же, как они были в верхнем, а возможно, и в среднем палеолите других частей света. В пользу такого предположения говорит находка в пещере Куналда острый и бифасов лавролистной формы, относящихся еще к раннему периоду: возраст этой индустрии — свыше 13 тыс. лет. Подобные орудия, вероятно, укреплялись на рукоятки или древке и служили наконечниками копий или режущими инструментами.

Как свидетельствуют многочисленные факты, культура аборигенов Австралии характеризуется сохранением в их быту вплоть до начала колонизации, а местами и позднее, некоторых очень архаических черт. Устойчивость культурных традиций — одна из характернейших черт австралийской культуры, объясняемая изоляцией, очень низкой плотностью населения, неблагоприятными природными условиями, последовавшими за периодом термического максимума и образованием пустынь в Центральной Австралии. Но, говоря об этом, не надо забывать что, несмотря на все неблагоприятные условия, культура австралийцев, история которой насчитывает тысячелетия, продолжала развиваться на протяжении всего этого времени.

³⁹ A. Gallus, *Vorläufiger Bericht über paläolithische Funde in gesicherter Fundlage aus Australien*, — «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», Bd 83, 1954, № 2, S. 131—134; *Two Australian Stratigraphic Sequences*, — «Current Anthropology», vol. 5, 1964, № 2, p. 127; «Recent Australian Radiocarbon Dates», pp. 23—24.

⁴⁰ G. H. Dury, *Australian Geochronology*, — «The Australian Journal of Science», vol. 27, 1964, № 4, pp. 103—109; C. L. Hubbs, G. S. Bien and H. E. Suess, *La Jolla Natural Radiocarbon Measurements II*, — «Radiocarbon», vol. 4, 1962, pp. 210—211; K. Kigoshi, D. Lin and K. Endo, *Gakushuin Natural Radiocarbon Measurements III*, — «Radiocarbon», vol. 6, 1964, p. 206.

⁴¹ «Recent Australian Radiocarbon Dates», — «Australian Institute of Aboriginal Studies, Newsletter», vol. 2, Canberra, 1967, № 6, pp. 25—26, 30—31.